

Михаил Тырин
Заговор обреченных

«Автор»

Тырин М. Ю.

Заговор обреченных / М. Ю. Тырин — «Автор»,

© Тырин М. Ю.

© Автор

Михаил Тырин

ЗАГОВОР ОБРЕЧЕННЫХ

Из бара меня выкидывали впятером.

Справились бы и двое. Остальные просто не смогли отказать себе в удовольствии швырнуть пьяного в лужу.

Правда, пока тащили, я успел дать коленом между ног одному пузатому, а другому расквасил губу. И еще я успел подумать: да, легко выкидывать из бара человека, который неспособен за себя постоять. Сунулись бы они ко мне два часа назад, когда я еще не накачался...

Пока я лежал в луже, у меня было время поразмышлять, что делать дальше. Самое простое – кинуть булыжник в витрину бара и быстренько слинять. А если быстренько не получится? Нет, лучше пойти в другой бар, выставить халявную выпивку и после привести сюда десяток мстителей и заступников.

Впрочем, это слишком хитроумно для моей больной головы. Я решил просто уехать и пережить свой гнев и обиду в одиночестве.

Разумнее всего было бы вызвать такси или службу «пьяной эвакуации», но назло всем я решил ехать сам. Я забрался в машину, пачкая сиденья мокрой одеждой, и тронулся с места так осторожно, как никогда в жизни. В этот вечерний час по улицам бродило множество отдыхающих, и, клянусь, мне вовсе не хотелось никого давить. Пусть лучше меня остановит милиция, оштрафует, отберет права, закует в кандалы и отправит на каторгу – мне было все равно.

Плохо помню почему, но я направился на Варварин обрыв. В детстве мы с ребятами уезжали на этот неудобный и потому безлюдный пляж ловить крабов. В глубине души я надеялся, что встречу там какую-нибудь одинокую курортницу-москвичку, прекрасную и загадочную, которая поставила палатку вдаль от шумных замусоренных пляжей и недобрых глаз. Я непременно подружился бы с ней, рассказал много интересного и посетовал бы на свою горькую судьбу, прижавшись к ее теплому животу.

Никаких пляжниц-одиночек, конечно, в наше время не водилось, но кто запретит мне мечтать?

Если смотреть на Варварин обрыв с городского причала, он кажется совсем близким. Однако, чтоб добраться до него, нужно объехать по краю бухты, а это километров десять, не меньше. И все по горам.

Я вел машину осторожно. Хотел сначала добраться, а потом уж, если судьба, упасть в пропасть или расплющиться о придорожный валун. Небо темнело, звезды исчезали широким фронтом от горизонта к берегу. Я обрадовался, когда в разрыве деревьев заметил далеко над морем грозные всполохи. Гроза – это здорово, это весело.

Уже совсем стемнело, когда я остановил машину у самого края обрыва и начал спускаться по каменистой тропе к берегу. Небо сдавленно рокотало. В руке у меня булькала едва начатая литровая бутылка водки, которую я собирался прикончить в одиночестве и упасть у кромки берега, омываемый солеными волнами. Я чувствовал себя оскорбленным и обиженным на этот город, где можно просто вот так бросить человека в лужу почти ни за что.

Обрыв отделяла от воды узкая полоса гальки – настолько мелкой и ровной, что можно было бегать по ней босиком, как по песку. Я остановился там, где прибой едва доставал мои ботинки, и сделал большой глоток, от которого меня чуть не вывернуло наизнанку. В ту же секунду над головой загрохотало. Вот-вот мог начаться ливень.

Пусть меня убьет молния, подумал я. Или дождь смоет в море, и через много дней жители какой-нибудь рыбацкой деревушки обнаружат на берегу бездыханное тело молодого парня, с лица которого даже море не стерло печати черной скорби...

Я закрыл глаза и поднял руки, обратив ладони к небу. «Ну, бей, – сказал я молнии. – Бей скорее, пока я не передумал».

Молния ударила, но мимо. Я вздохнул и снова приложился к бутылке. Огни города дрожали и разбегались в моих глазах. Они были совсем рядом, казалось даже, что доносились звуки музыки из баров и дискотек, где жители Центральной и Северной России пропивали месяцами накопленное, дорвавшись до разухабистой и беззаботной курортной жизни.

Я сделал несколько шагов и оказался по колено в воде. Пусть она смывает грязь, которой я пропитался в луже. На макушку упала первая капля. Я хотел было принять еще глоток, дабы отметить начало дождя, но вдруг совершенно явственно услышал хруст камней неподалеку.

Ура! Я оказался не единственным сумасшедшим, кто попал в эту глухомань перед самым ливнем. Через несколько минут я уже смог разглядеть две темные фигуры, бредущие вдоль берега в мою сторону.

Бандиты, подумал я. Нет, морские пираты. Высадились в темноте, чтоб захватить город. Сейчас я помчусь быстрее лани, ворвусь на самую большую дискотеку и крикну, перекрывая музыку: спасайтесь! Нет, я крикну: к оружию, братья! И упаду, потому что в спине у меня будет торчать черная пиратская стрела. И когда нападение будет отбито, город устроит мне шикарные похороны, настоящее прощание с героем, где все напьются до чертиков и передерутся...

Наконец я разглядел незнакомцев: это были старик и совсем молоденькая девушка. Старик высокий, осанистый, с седыми волосами и аккуратной бородой. Похож на композитора Чайковского. Девушка ни на кого не была похожа, кроме тысяч таких же пигалиц, что прыгали сейчас на той стороне бухты под незамысловатые попсовые мотивы.

Мне бы удивиться тому, как они одеты... На старике – длинная, до самых колен, рубаха, схваченная широким поясом. На девчонке – облегающая маечка и широченные штаны на помочах, вроде тех, что носят маляры. Своеобразный стиль, но я даже не обратил на это внимания. Они приблизились и нерешительно остановились, не дойдя до меня пяти шагов.

– Ну, – произнес я, – что скажете?

Девчонка испуганно прижалась к старику, тот обнял ее одной рукой и что-то быстро шепнул на ухо.

– Скажите, где мы находимся? – спросил «Чайковский», настороженно наблюдая за мной.

Я отвернулся, чтобы сделать еще глоток, и прокашлялся.

– Вы находитесь на берегу Капитанской бухты, омываемой водами Черного моря, – сказал я дурным голосом профессионального экскурсовода. – Прямо перед вами расстилается панорама города Синеводска, построенного неизвестно когда и непонятно зачем. Если вы пройдете по его древним узким улочкам и заглянете в самые укромные уголки, то сами убедитесь, насколько это отвратительное место...

Я замолчал, потому что оба смотрели на меня уже с откровенным испугом.

– Простите, – сказал старик дрогнувшим голосом, – скажите уж честно, вы кто?

Мне вдруг показалось, что он иностранец. То ли вопросы он задавал дурацкие, то ли у него все-таки был какой-то акцент.

– Я... – Оглядев себя сверху донизу, я вдруг обнаружил, что так и стою по колено в воде. – Да никто. Просто ноги помыть приехал.

Они начали шептаться. Я с достоинством отвернулся и потряс перед глазами бутылкой. Там было еще много, пить да пить...

Наконец полил дождь. Когда холодная вода потекла по спине и по коже побежали мурашки, я решил, что мне уже нечего терять, и с размаху бухнулся во весь рост в море. Не забыв, правда, прикрыть пальцем горлышко бутылки.

Я встал не только мокрым, но и чуть поумневшим. Я понял, что пора домой. «Чайковский» с девчонкой были еще здесь. Они, правда, отошли на несколько шагов и теперь испуганно хлопали глазами, глядя, как я обтекаю.

– Ну, все! – сказал я. – Если вам нужно в город, могу подбросить. – И я, еще раз глотнув, метнул недопитую бутылку далеко в море.

– Подбросить? – переспросил старик, растерянно поглядев на спутницу. – Город?

Нет, они определенно иностранцы или просто придурочные.

– Я иметь машина! – громко и раздельно проговорил я, помогая себе мимикой и жестами. – Я вас возить в город. Быстро-быстро. Ж-ж-ж – машина! Деньги – нет. Дружба – да!

Мне уже не хотелось тонуть в море, сгорать под ударом молнии и быть пронзенным пиратской стрелой. Дурь ушла так же легко, как и пришла – спасибо холодной водице. Поспать бы теперь... Мелькнуло, правда, что я, пьяный дурак, могу разбить машину и людей покалечить. Но я прогнал эту черную мысль прочь, выкинул из головы так же безжалостно, как меня сегодня выкидывали из бара.

Я карабкался по мокрому каменному откосу, спиной чувствуя недоверчивый взгляд этой парочки. Дождь лил не сильный, но противный и навязчивый. Было скользко, ноги разъезжались. Один раз попытался подать девчонке руку, но та отпрянула с таким испугом, будто я сунул ей в лицо ядовитую змею. Ладно, мы не гордые...

Видел бы кто-нибудь, как эти двое усаживались в машину! «Чайковский» медленно обошел ее вокруг, заглянул под днище и неуверенно тронул пальцем лобовое стекло, по которому струилась вода. Потом поднял на меня взгляд и настороженно спросил:

– Наземная?

– Простите... – Я захлопал глазами.

– Ах да... – Он успокоился и встал перед дверцей, явно не зная, как ее открыть.

– Прошу! – помог я, отпирая замки.

Старик нагнулся, и в этот момент я услышал, как что-то брякнулось об асфальт. Как я убедился в следующую секунду, из-под его рубахи вывалился пистолет огромных размеров. Мы молча уставились на него, а затем одновременно подняли друг на друга глаза.

– А я ничего не видел, – доверительно проговорил я.

«Чайковский» молча сунул пистолет под рубаху и залез наконец-таки в машину. Пока они устраивались, я снял промокшую майку и, выжав ее, снова натянул. Становилось прохладно, неплохо бы переодеться в сухое, да только где его взять?

Я поклялся себе, что не разгонюсь быстрее сорока километров в час. Или даже тридцати. Ночь, дождь, мокрая дорога, слева обрыв, справа стена, да плюс нетрезвый водитель – что может быть хуже? Нет, зря они со мной связались...

Я крутил руль, а они шушукались сзади. До меня долетали какие-то обрывки фраз, я понял только одно: девчонка чего-то боялась, а дед ее успокаивал. Возможно, она боялась меня, хотя зачем меня бояться, если рядом дед с пистолетом?

«Наверно, сектанты, – подумал я. – Девчонка – прихожанка, а старый хрыч – пастырь. В горах иногда разный чудной народ встречается. Свободные одежды, свободное ношение оружия, свободная любовь... Машину ни разу в жизни не видели. А гонятся за ними скорее всего родители девчонки. Завтра буду вспоминать и удивляться...»

В конце концов мне это надоело. Они там шепчутся, а на меня ноль внимания. Что я им – шофер? Мне, может, тоже хочется поболтать...

– Чудесная погода сегодня! – ляпнул я.

– Что? – мигом насторожился старик.

– Меня зовут Серега. А вас?

– Нас? – пробормотал старик. – Нас зовут... – Он кашлянул.

– Можете не продолжать, – тяжело вздохнул я. – Разрешите, я буду звать вас Петр Ильич Чайковский? Был такой композитор, слышали? Вы на него очень похожи...

– Композитор? – спросил дед и снова кашлянул.

Дорога пошла вверх, и я сразу заметил блеснувшие впереди фары. Я сбавил скорость, хотя мы и так едва ползли, и прижался к обочине. Полыхнувшая молния высветила мокрое и длинное тело автоцистерны-бензовоза, спускавшегося нам навстречу. Мои попутчики заметно оживились. Я понаблюдал в зеркало, как девчонка прижалась к старику, а тот погладил ее волосы, шепнув что-то в самое ухо.

Ни один дурак на дугообразном спуске не будет разгоняться, как ракета, тем более в такую сволочную погоду. И поэтому я сразу понял, что с бензовозом что-то не так. Он летел на бешеной скорости, виляя и чудом удерживаясь на скользкой дороге.

Я резко нажал на тормоз, машина встала, чуть качнувшись. В следующий момент я понял, что это нас не спасет – нужно удирать. Бензовоз вилял влево-вправо, на узкой дороге от него было не спрятаться.

Я моментально протрезвел, мокрая спина еще больше взмокла. Дать задний ход – и куда дальше? Вниз, под обрыв, на камни с пятнадцати метров?..

Девчонка панически вскрикнула. Тут снова ударила молния, но почему-то не погасла, яркий свет залил все вокруг.

– Это они, они!

– Быстро из машины! – заорал я, судорожно пытаюсь найти ручку на двери.

– Откройте! – отчаянно воскликнул старик. Боже мой, он ведь не знал, как открывается дверь!

Я уже был на улице и изо всей силы дергал ручку, которая не поддавалась. Может, они там в горячке случайно нажали на защелку?..

– Быстрее, пожалуйста! – закричала девчонка, и тут же меня оглушил пронзительный скрежет тормозов. В глаза врезался яркий свет, потом цистерну развернуло поперек дороги и понесло на капот моего «Москвича».

Я не успел испугаться и проститься с жизнью. Только увидел совсем рядом большое грязное колесо и сжался в ожидании удара...

* * *

О чем я подумал, когда пришел в себя? Естественно, о том, что с этой минуты бросаю пить, бросаю решительно и бесповоротно. Я дрожал от холода, лежа в какой-то сырости, и голова моя болела так, что хотелось оторвать ее к чертям собачьим.

Всякий любит посмеиваться над неопохмеленным собратом, пока сам не окажется таким же жалким, вялым, мучимым жаждой и болью уродом. Ничего смешного, между прочим.

Мне было плохо, но еще через мгновение мне вдруг стало страшно. Я наконец вспомнил. Я вспомнил, как приближались фары сумасшедшего бензовоза, как кричали и метались в запертой кабине двое ни в чем не повинных людей...

«Допрыгался, придурок, – подумал я. – Шутки кончились. Странно, что сам жив остался. Право же, не стоило...»

Я раскрыл глаза и увидел над собой пасмурное серое небо. Попытался сесть, ожидая, что внутри сейчас хрустнет какая-нибудь не до конца поломанная косточка. Но косточка не хрустнула, только под сводом черепа прокатилась тяжелым булыжником боль.

Передо мной было море – такое же серое, как и небо, только более темное и беспокойное. Я сидел на мокром песке и дрожал. Во рту словно застрял ком сухой ваты. Я глянул на свои часы, вдребезги разбитые, снял их и швырнул в воду.

И что теперь? Идти пешком по пустой дороге, зябнуть на сыром ветру, потом сдаваться, признаваться, что это в моей машине сидели те несчастные... Где, интересно, они? И где машина?

Я поднялся на ноги, борясь с приступами дурноты. Во всем мире сейчас не нашлось бы способа улучшить мое самочувствие – вот что самое скверное. Даже от свеженького прохладного пива мне сделалось бы втрое хуже. Ни за какие деньги не купишь здоровье, которое сам же накануне и угробил с таким старанием.

Наконец я начал осматриваться, хотя шея почти не поворачивалась. Сначала меня разоблало беспокойство. Я не увидел дороги, и, что самое странное, я не увидел гор.

Вдоль моря шла полоса грязно-серого песка, ограниченная голой каменной стеной, в которой не просматривались даже геологические слои. Просто серый камень, покрытый сеткой трещин. Вообще все вокруг было серое, наверно, даже воздух.

А где же, спрашивается, кряж, заросший изумрудно-зеленым лесом? Где рекламные щиты вдоль ровного, размеченного асфальта? Где чистенькие, как игрушечные, корпуса санаториев, которых здесь было понатыкано тьма-тьмушая? Где бухта, где вообще все?!

Я набрал в себя немножко воздуха и прокричал в серое небо:

– Э-эй! Люди-и-и!

Мне ответило злорадное эхо. Пасмурное небо слабо шевелилось, словно пытаюсь подражать морю. Я обхватил озябшее тело руками и поразмыслил, наберется ли во мне сил десять раз отжаться, чтоб разогреть кровь.

Взгляд наткнулся на старое раскиданное кострище, в котором валялись осколки стекла и выцветшие сигаретные пачки. «Только спокойствие, – сказал я себе. – Меня отбросило в море и вынесло... где-то вынесло...»

Теперь, конечно, можно и посмеяться над этим идиотским объяснением. Но хотел бы я в тот момент услышать что-то получше! Впору было сдаваться не милиции, а психиатрам!

Все, что оставалось, это подняться на обрыв и посмотреть с высоты, куда меня занесло. Вернее, вынесло. Легко сказать, «подняться». Видел бы кто-нибудь, как я, мокрый и несчастный, карабкался по отвесной стене, цепляясь за трещины. Я сам себе напоминал дождевого червяка, который пытается перелезть на газон через бордюр тротуара.

Кроме того, какие-то рыжие паучки забегали по моим рукам, они щекотались и отвлекали, я то и дело сдувал их.

Наверху я прежде всего встал на четвереньки и отдышался. Невольно погордился собой – таким смелым и ловким, покорившим голый камень без страховки и альпенштока.

Увы, ничего интересного меня здесь не ждало. Передо мной простиралась голая равнина, из которой местами торчали высокие камни, похожие на многозначительно поднятые пальцы.

Что делать? Ругаться – бесполезно. Я излазил и изъездил все окрестности Синеводска, но подобных пейзажей пока не встречал. Может, чего доброго, волны выбросили меня на какой-нибудь остров? Но где тогда пальмы, кокосы, грациозные туземные женщины?

Конечно, можно совершить еще один подвиг и подняться на скалу-палец, откуда я, быть может, что-то и разгляжу. Но это не сейчас. Я сел на край обрыва, поросший жесткой вялой травкой, свесил ноги и протяжно вздохнул. Денек не задался...

Говорят, что в трудных ситуациях полезно порыться в памяти и разложить все по полочкам. На одной из «полочек» может оказаться ответ на любой волнующий вопрос.

Итак, вспоминаем все начиная со вчерашнего дня. Пришел на работу, посидел в курилке с ребятами, пока все не разъехались по вызовам. Мне досталось монтировать телесистему на одном пивном заводике. Забыл сказать, я работаю в охранном агентстве. Нет, я не охранник и не телохранитель, упаси господи, отстреливаться на скаку и закрывать животом хозяина не умею, я просто инженер-электронщик.

Значит, пивной заводик. Ага, вот с чего началось мое грехопадение! В обед мы чуточку продегустировали продукцию, и я уронил со стремянки терминал! Он, как ни странно, не разбился, но почему-то стал давать перевернутое изображение. Однако я тоже деньги не зря получаю – взял и прикрутил его вверх ногами. Никто разницы и не заметил...

К вечеру пиво, конечно, выветрилось, и я спокойно сел за руль. В бар заехал исключительно поужинать. И, как назло, встретил одного старого клиента, который рассказал, что наша сигнализация закоротила и чуть не спалила ему офис.

Мы от души посмеялись над этим, выпили... Еще выпили. Потом я обнаружил, что на месте клиента сидят две хохочущие девицы, которых я и знать не знаю... Я их угостил, сам тоже выпил, потом попросил компанию за соседним столиком орать потише, потому что от их козлиных голосов у меня разболелась голова. Мне что-то ответили, я тоже ответил, ну и... Дальше вы знаете.

Молодец, все вспомнил. А что толку? Я все так же сидел на краю обрыва, обхватив руками свое дрожащее тело, и ровным счетом ничего не понимал. Я знал только одно – мои пьяные приключения кончились весьма скверно. Если разобраться, я не очень-то и виноват в аварии, но кому это докажешь, когда начнут определять содержание спирта в крови?

Пока я думал, мой взгляд беспорядочно блуждал по пустому берегу, по серым волнам и ровной, унылой линии горизонта, затянутой туманом. И вдруг он на чем-то остановился, причем почти самопроизвольно. Я и сам не сразу понял, что неотрывно смотрю на некое пятнышко, которое движется над волнами вдоль берега в мою сторону.

Лишь когда пятнышко выросло до размеров вместительной лодки, я наконец встряхнулся.

Да, это была лодка, но только двигалась она как-то странно. Во-первых, очень быстро, во-вторых – ровно. Будто не по морю плыла, а бежала по ровному асфальту.

Что-то меня заставило насторожиться. Я распластался на травке, едва выглядывая из-за края обрыва, и принялся ждать. Суденышко подбежало совсем близко и остановилось как раз там, где я только что валялся, как выкинутое волнами бревно. Потом оно... преспокойно выползло на сушу, даже не оставив на песке никакого следа. Я так и раскрыл рот.

Из под зеленого тента выбрался высокий мужчина, одетый в полевую военную форму. Неторопливо поглядел по сторонам, что-то отрывисто крикнул и махнул рукой.

«Ну, все, – подумал я. – Вот тебя и нашли. Сейчас наденут наручники и скажут: а знаете ли вы, что ваши пассажиры...» Меня передернуло.

Из-под тента полезли, как мне сначала показалось, люди. В следующий момент у меня на голове зашевелились волосы. Никакие это были не люди!

* * *

Я прижался к камням и не мигая смотрел вниз. Я боялся пошевелиться. Зрение не обманывало меня, ведь я видел даже погоны с тремя звездочками на плечах у военного. Мне очень хотелось, чтобы это оказалось всего лишь пьяной галлюцинацией, но увы, увы...

Полковника окружали гигантские – под полтора метра! – кузнечики грязно-зеленого цвета. Они двигались проворно и порывисто, как ящерицы, и держали в лапах какие-то блестящие штуки – явно оружие!

Вдруг я сообразил, что полковник любит мои следы на песке. Его взгляд начал скользить к вершине обрыва, и я едва успел убрать голову. Затем, откатившись от края, я вскочил и помчал на полусогнутых к ближайшей скале-пальцу.

Ее подножие оказалось изрыто какими-то большими норами, что пришлось очень кстати. Я влетел в одну из таких нор и замер. И явственно услышал, как в глубине за моей спиной кто-то пыхтит. Прятаться в другую нору было поздно – лодка, сверкая металлическим брюхом, плавно взлетала над обрывом. Уродливые головы кузнечиков торчали над бортами.

Ничего себе вляпался – впереди бряцает оружием команда жутких уродцев на летающей поудине, за спиной пыхтит еще кто-то, может, даже пострашней!

Лодка проплыла совсем недалеко. Она издавала заунывный звук, похожий на комариновую песню, мне даже захотелось отмахнуться. Звук стал тоньше, лодка прибавила скорости и исчезла из вида. Я поспешно выкатился из норы и на всякий случай схватил тяжелый камень – будет чем отбиться от пыхтящего зверя. Но меня никто не преследовал.

Было тихо. Мне хотелось выть от обиды и страха. Да, я, конечно, не подарок, устроил скандал в баре, сел за руль пьяный, подставил под удар людей – я виноват и готов понести кару. Но нельзя же так – на живого человека натравливать каких-то мерзких чудищ. Я и сам бы сдался, если бы их не было...

Нервная встряска дала о себе знать – я почувствовал себя малость бодрей. Видимо, просто кровь быстрее по жилам побежала. И еще, мне показалось, воздух стал чуть прозрачнее. Во всяком случае, линия горизонта уже не была такой туманной и размытой. Может, солнышко пригрело, а может, глаза прояснились после прыжков и пробежек.

Слева от себя вдалеке я заметил какую-то темную громаду. Сначала показалось, что это край тучи, выползающей из-за горизонта, но потом стало ясно, что это огромный холм или даже гора правильной конической формы.

Естественно, я решил идти к горе – с нее можно осмотреть окрестности. Я, правда, побаивался, что по пути меня перехватят кузнечики на своей летающей галоше, но что поделаешь? Не сидеть же тут всю жизнь?

Я шел вдоль обрыва, поминутно прислушиваясь и озираясь. Сначала казалось, что гора очень далеко, но меня обманул мутный пасмурный воздух. Цель приближалась куда быстрее, чем я ожидал. Вскоре я разглядел, что на вершине громоздятся угловатые утесы. И опять ошибся. Не утесы это были, а большие здания, похожие на элеваторы. Ровные, прямоугольные и такие же серые, как и все вокруг.

Тут настало время почесать затылок. Стоит ли лезть в эти «элеваторы»? Не окажется ли там целая армия мерзких кузнечиков, которые бросятся на меня и раздерут на куски? Я вполне готов был допустить такое.

Размышляя, я продолжал идти вдоль обрыва, неотвратимо приближаясь. Гора уже вздымалась надо мной, впрочем, она смотрелась теперь не такой уж огромной, как показалось сначала. Возможно, это был искусственно насыпанный курган – уж больно ровные у него были откосы. Хотя, если рассудить, целая дивизия дикого стройбата не насыплет такую кучу и за пятьдесят лет...

Меня отвлекли голоса, долетевшие из-под обрыва. Отвлекли – это мягко сказано. Я едва не подпрыгнул на месте и первым делом поглядел, куда можно сбежать.

Но бежать не потребовалось. Действительно, под обрывом переговаривались какие-то люди, но они меня пока не видели. Я подкрался к краю и выглянул, готовясь молниеносно спрятаться при необходимости.

Мне представилась картина, которую никак не назовешь тривиальной. Несколько мужиков гнали вдоль берега большущую черепаху. И самое интересное, никак не могли ее догнать – она очень ловко перебирала лапами.

Мужики были одеты в широченные штаны на лямках, которые явно мешали им бежать. Я сразу вспомнил про девчонку, спутницу «Чайковского», – она тоже была одета в подобный туалет.

Наконец один из охотников изловчился и прыгнул на черепаху, придавив ее брюхом. Остальные налетели и принялись долбить панцирь камнями. Они кричали, суетились, мешали друг другу. Черепаха дважды выскальзывала и пыталась бежать, но теперь уже тщетно. Вскоре ее добили, подхватили вчетвером и поволокли вдоль воды. Вся компания скрылась за поворотом берега, но их ликующие голоса еще долго были слышны.

Я благоразумно решил не знакомиться с этими сумасшедшими. Чего доброго, они и меня камнями...

Я остановился передохнуть у подножия кургана. Пологий склон, усыпанный мелким щебнем, поднимался, суля мне новые приключения и неприятности. На самом верху громоздились здания-гиганты, одинаковые и простые, как спичечные коробки. Одно было хорошо – я перестал мерзнуть. Прыжки и перебежки меня согрели, да и одежда подсохла.

И еще я перестал изумляться. Ну, гигантские кузнечики, говорил я себе, – подумаешь!.. Вывели в какой-нибудь секретной лаборатории для военных нужд и поселили на острове. А тут меня черти принесли... Вернее, не черти, а волны.

А те ребята с черепахой – тоже объяснимо. Солдат не кормят, вот и решили полакомиться. Я и сам был не прочь сейчас перекусить черепаховым супом. Правда, не припомню, чтоб такие огромные черепахи водились в наших краях. Куда ж меня занесло, в конце концов?!

Скажете, глупости? Посмотрел бы я на вас, умных, когда за вами гонится летающая лодка с огромными насекомыми! Мигом бы ваши глубокомысленные физиономии перекозились!

Пора было покорять гору. Подниматься оказалось трудно – камни то и дело выскакивали из-под ног, и я изрядно намучился. Мне бы, дураку, догадаться, что раз есть здания, то должна быть и дорога к ним! Но об этом я подумал, уже преодолев половину подъема. Ноги едва держали, когда я ступил на плоскую вершину, мощенную огромными плитами – каждая как волейбольная площадка. Как их сюда поднимали, интересно?

Здания оказались воистину исполинскими и, похоже, очень старыми. Их было четыре – одинаковые прямоугольные глыбы на фоне серого неба. На стенах кое-где чернели пробоины, в каждую из которых смог бы залететь легкий самолет.

Я напряг воображение, и оно тут же выдало мне подходящую версию. Раз тут есть секретные военные кузнечики, то эти простреленные домины – видимо, мишени для испытания какого-то чудовищного оружия. Полигон, одним словом. Черт возьми, ну и повеселюсь, если сейчас начнутся очередные стрельбы!

Я начал обходить ближайшее здание по периметру, пытаясь найти вход. Идти пришлось долго, и наконец я обнаружил широкий тоннель, уходящий под основание стены. Честно сказать, лезть туда совершенно не хотелось. Но и под открытым небом не очень-то нравилось.

Между прочим, уже темнело, я дико устал и мечтал найти хоть какое-то укрытие, где мне не будут докучать гигантские насекомые, летающие лодки и сумасшедшие охотники за черепахами. Поэтому я подобрал обломок плиты для самообороны и, попросив у неба милости, помаленьку двинул в тоннель.

Здание оказалось пустой коробкой без внутренних стен и перекрытий. Из пробоин шел какой-никакой свет, и я разглядел бесконечные ряды сложных механизмов или станков, накрытых белой матовой пленкой. Кое-где у стен они были разбиты и завалены обломками.

Я долго ходил между рядов, снимал пленку, разглядывал незнакомые железки, но так и не понял, какой цели они служат. Обломок камня я сменил на увесистую ржавую палку с утолщениями на обоих концах и множеством мелких дырочек.

Я доходился до того, что стало совсем темно. Ноги деревенели от усталости, глаза слипались, а я так и не нашел места для ночлега. Здание было холодным и враждебным, а мне хотелось затихнуть в каком-нибудь укромном уголке, чтобы никто не смог меня найти.

И вдруг я почувствовал себя таким одиноким и несчастным, что хоть плачь. Помню, как-то раз зимой мы с ребятами возвращались из командировки и остановились ночевать в деревне, где жила тетка одного из наших. Мы сидели в теплой, натопленной избе и дули чай, а в окно стучалась пурга. Как вдруг послышался вой, такой горький и тоскливый, что я замер с открытым ртом. Волк на болоте, сказала тогда хозяйка. И я вдруг отчетливо представил, каково это – ночью на болоте, среди холода и снега, в полном одиночестве...

Вот таким же одиноким волком я и был сейчас. С небольшим отличием – я не имел острых зубов и быстрых лап. И кормиться с земли не умел, а не помешало бы...

Темнота стала почти непроглядной. И вдруг я ощутил дуновение теплого воздуха. Сначала подумал, что показалось. Остановился, шагнул назад... В самом деле, откуда-то тянуло теплом. Я опустился на четвереньки, в темноте обследовал стену и нашел у самого пола широкую щель, где поселилось божественное тепло. И даже каменный пол был теплым!

Я сел, привалившись к стене, потом лег, положив голову на руки. Палка брякнулась рядом. Было хорошо и удобно. Я бы так и заснул, но мне чудились загадочные гулкие звуки. Казалось, рядом кто-то ходит, шаркая ногами. Я вжимался в щель, манящую уютным теплым дыханием, пока целиком не протиснулся в нее. И тогда уже сон поглотил меня всего без остатка...

* * *

Ну и как вы думаете, что мне снилось? Вы скажете, что полчища кузнечиков-великанов, летающие крепости и исполинские пушки? Ничего подобного. Мне привиделось золотистое мясо, шипящее на сковороде, да еще и крупно порезанные помидоры. Ну и еще, каюсь, кувшин с красным вином.

И потом, когда я открыл глаза и увидел близко над собой шершавый каменный потолок, перед моим внутренним взором еще долго стояла эта сковорода – прекрасная и недосягаемая.

Я решительно отогнал видение прочь, намереваясь возвращаться в печальную реальность. Пошевелился – и почувствовал, что падаю!

В следующий миг я оказался в теплой воде. Ноги моментально запутались в каких-то скользких веревках, и я отчаянно замолотил по поверхности руками.

Впрочем, зря я паниковал – глубина здесь была по грудь. Откашливаясь и отплевываясь, я встал наконец на ноги и обнаружил, что нахожусь в длинном бассейне, полном мутной желтоватой воды. Выходит, я всю ночь провалился на его краю и только чудом не свалился во сне.

Бассейн занимал почти всю площадь невысокого продолговатого помещения, свет в которое падал из узких щелей под потолком. Я начал было вылезать, однако ноги все еще держали невидимые скользкие пути. Несильно, но упруго они тянули меня обратно.

Я решил помочь себе руками. Нагнулся и ухватил за какую-то толстую мягкую штуковину, собираясь отцепить ее от ноги. И вдруг эта штуковина сама начала подниматься к поверхности. Через мгновение она всплыла и... посмотрела на меня.

Не помню, как я оказался на суше. Наверно, подпрыгнул метра на полтора-два. И лишь уперевшись спиной в стену, рискнул вновь встретиться взглядом с таинственным обитателем бассейна.

Он вообще-то был похож на человека – руки, ноги, туловище... Только весь какой-то очень тоненький и белый, будто выцветший или размокший. Голова тоже белая, лысая с большими грустными глазами, микроскопическими носиком и ротиком. Тоненькие бледные ручки вяло шевелились в воде, изо рта выплывали пузырьки.

Вид, конечно, у него был премерзкий, но не страшный. Мне даже жалко его стало на какое-то мгновение. А потом я увидел, что он не одинок в этом бассейне. Неподалеку поднялся к поверхности еще один, потом еще, еще... Весь бассейн кишел этими змееподобными существами, и каждое из них смотрело на меня так грустно, будто тщетно хотело что-то получить.

– Брысь! – крикнул я. Мне вовсе не нравилось играть в гляделки с этими водянистыми уродцами, не зная, что от них ожидать.

От громкого звука они вроде бы зашевелились чуть быстрее, но ни один не уплыл. Я стал тихонько пробираться к вчерашней щели, через которую собирался покинуть обитель безмолвных тварей. Пусть они тут плавают и пускают пузырьки, но лучше без меня. Извините, это уже ни в какие ворота... Не успел удрать от кузнечиков, как новые пакостные создания тут как тут.

Едва я улегся на пол и начал протискиваться в щель, как неожиданный громкий звук заставил меня замереть в очень неудобной позе. Мне пришлось вывернуть голову, скосить глаза, и только тогда я увидел, что в стене над бассейном со скрежетом поднимается перегородка. В глаза ударил непривычно яркий дневной свет, который на секунду заслонил силуэт человека.

Я нащупал железяку, оброненную тут накануне, и приготовился к неприятностям. Наверняка кто-то услышал, как я плескался в бассейне, и пришел полюбопытствовать.

Первое, что мне бросилось в глаза, – это огромные штаны на помочах, которые я уже имел счастье здесь видеть. Человек подошел к краю бассейна, наклонился, внимательно вглядываясь в воду. Кроме штанов, никакой одежды на нем не было. И обуви тоже. Я не смел шевелиться – в пустом гулком помещении даже слабый шорох мог меня выдать.

Вслед за человеком в проем заехала высокая платформа на шести колесах. Как ни странно, водителя там не было. Человек взял с платформы длинные вилы с изогнутыми зубьями и пошуровал ими в воде. Бледнокожие твари с громким плеском ринулись в стороны.

Человек пошел вдоль бассейна, методично вылавливая их из воды и бросая на платформу. Они шлепались, как мокрое белье, шевелились, падали на пол и пытались расползтись в стороны, но охотник ловко поддевал их зубьями и водворял на место.

Моя шея затекла, спина заболела, но я продолжал героически удерживать неудобную позу, чтоб не выдать себя.

Наконец незнакомец собрал достаточный улов и бросил вилы на кучу шевелящихся, как опарыши, обитателей бассейна. Затем шлепнул по платформе ладошкой, и та беззвучно выехала в проем. Человек отшвырнул ногой раздавленную тварь, случайно упавшую под колеса, и вышел вслед за своей колесницей. Перегородка со скрежетом начала закрываться.

Я выдохнул воздух и бессильно опустил голову на ладонь. Я вдруг подумал, что во всем виновато пьянство. Не останись я в злополучном баре, сидел бы сейчас с ребятами в курилке и травил анекдоты...

Выждав несколько минут, я выполз из убежища и осторожно выбрался на улицу, держа наготове свою дубину. Здесь все было так же серо, как и вчера, хотя стало теплее. Побродив между зданиями и убедившись, что никого рядом нет, я обратил взор на окружающий гору ландшафт.

Разум убеждал, что должны быть хоть какие-то следы цивилизации, кроме этих зданий-гигантов. Что-нибудь привычное и понятное – дорога, или опора ЛЭП, или хотя бы куча мусора, вываленная в этом пустынном месте.

Но ни дорог, ни столбов я так и не увидел. Только море и каменная пустыня до горизонта, усеянная валунами. А из мусора нашел лишь выцветшую пачку от «Явы», которую гонял по плитам ветерок.

Разочарованный, я сел на край каменной плиты и принялся бездумно глядеть в море. Клянусь, в тот момент я почти готов был добровольно сдаться кому угодно – хоть тому мужику с вилами, хоть полковнику с его кузнечиками. Впрочем, лучше бы без кузнечиков.

Можно, конечно, пойти вдоль берега и набрести в конце концов на какое-нибудь жилище. Побережье вроде бы должно быть густо заселено. Однако если это остров, то я долго могу ходить по кругу... А если попадетс секретная база, где часовые стреляют без предупреждения? Вот и гадай, что лучше...

А между тем к вечеру я, пожалуй, буду падать с ног от голода. Я невольно пощупал живот и нашел там вялый слой жирка. На этом жалком запасе мне предстоит существовать еще неизвестно сколько. Разве что подхватить свою дубину и пойти охотиться на черепах?

Я бы сидел и кис еще долго, если б не вмешались обстоятельства. Сзади кто-то дважды кашлянул. И, как мне показалось, демонстративно.

Я вскочил, оборачиваясь. В десяти шагах от меня стоял невысокий худощавый паренек с короткой стрижкой и черными усиками. Он стоял и ухмылялся, не говоря ни слова. На нем не было уродливых широких штанов, а только черные джинсы и куртка, зато на плече висел реальный автомат Калашникова.

«Ну, вот и все, – с грустью подумал я. – И не надо больше ничего изобретать».

Я отпихнул ногой дубину и поднял руки.

– Сдаюсь.

Паренек ничего не ответил, только еще раз ухмыльнулся. Я испугался, что он иностранец. Везет мне что-то на иностранцев.

– Сдаюсь, – еще раз повторил я, погромче. – Гитлер капут!

– Да на фиг ты мне нужен, – ответил парень. – Откуда ты такой взялся?

– Ну, откуда... – неуверенно пробормотал я. – Откуда и все.

– Сбежал, что ли? Или кузнечиков твоих почикали?

Я родил некий сдавленный звук – откуда мне знать, почикали моих кузнечиков или не почикали? Пареньку это, похоже, не очень понравилось. Он переместил автомат с плеча на руку и сказал, немного хмуря брови:

– Ну, пошли...

Я шагал впереди, и меня так и подмывало поднять руки и положить их на затылок. Если я на секретном острове, то в ближайшие дни мне придется доказывать, что я не шпион. Это уж как пить дать. Отпустят военные – тут же попаду в руки милиции, где стану отчитываться за историю с моей злосчастной машиной. Одним словом, скучать не придется.

Мы обошли кругом одно из зданий и начали спускаться по склону холма. С этой стороны, оказывается, имелась большая каменная терраса, на которую я не обратил вчера внимания. Она протянулась метров на триста в длину, а шириной была, как нормальная дорога.

Здесь я увидел летающую лодку, в которой со скучающим лицом сидел костлявый рыже-волосый парень в зеленой куртке. Чуть дальше валялась на боку шестиколесная платформа, а вокруг слабо шевелились бледнокожие твари. Хозяин платформы был неподалеку, правда, не весь. Штаны с ногами лежали на краю террасы, а что касается рук, головы и туловища, то их я не обнаружил. Была только огромная мокрая клякса на камнях.

Я, видимо, невольно замедлил шаг. Я напряженно думал, велика ли вероятность, что сейчас я разделю судьбу охотника за водянистыми тварями.

– Пойдем, пойдем... – подогнал меня провожатый.

– Вовчик, кто это? – без особого интереса спросил рыжий. Он даже почти не взглянул на меня.

– Сейчас спросим, – пожал плечами мой конвоир. – Ну, присаживайся в ялик, – он указал на летающую лодку.

Я впервые увидел эту штуку так близко. Она и в самом деле походила формой на большую надувную лодку, хотя была сделана из металла. Я увидел три простых скамеечки, что-то похожее на органы управления, а также массу неизвестных мне узлов и деталей.

– Рассказывай, – велели мне.

Может, надо было потребовать встречи с командиром, но я не стал. Я просто присел на скамейку и начал рассказывать. С того момента, когда произошла роковая встреча с бешеным бензовозом. Про своих непонятных пассажиров обмолвился лишь одним словом, хотя стоило бы поподробнее. Ведь с них, если рассудить, и начались все эти странности...

– ...Ну, вот и все, – заключил я. – Теперь вот я здесь. Наверно, морем меня сюда вынесло...

– Морем, – с усмешкой повторил Вовчик и переглянулся с рыжим.

– А чем? – Я развел руками. И прибавил довольно жалобным голосом: – Ребята, объясните, куда я попал?

– Ну, это разговор долгий, – вздохнул рыжий. – Как тебя зовут-то, бедолага?

– Я Серега.
– Ну а я – Пьеро. А он – Володька.
– А вот там кто? – осторожно спросил я, указав пальцем на раздавленный труп.
– Где? – удивленно переспросил Пьеро.
– Ну вот же!
– Ты про ту кучу дерьма, что растеклась по дороге?
– Ну... В общем, да.
– А оно тебе надо?
– Да нет... – Я уже пожалел, что завел разговор.
– Ничего интересного, – со всем чистосердечием проговорил Пьеро. – Поверь на слово.
– Ладно, верю...
– Ну, что, – вздохнул Вовчик, – выходит, парнишку притащили, но не подобрали.
– Кто? Куда? – заволновался я.
– Когда ты очнулся на берегу, там был кто-нибудь?
– Нет! Вернее, был. Но не сразу. Через несколько минут прилетела вот такая же штука, а в ней... – я замолк.
– А в ней – кузнечики, так?
– Так, – с облегчением сказал я. Они все знают, а значит, не придется им доказывать, что у меня не галлюцинации.
– Ну а ты?
– А я спрятался.
– Зачем?
– Ну... – Я пожал плечами. – Я ж не знаю, куда попал и чем мне это грозит.
– А ты еще не понял?
– Виноват, понималка не срабатывает.
– Ты, Серега, в общем-то, на том свете, – тихо проговорил Пьеро и искоса взглянул на меня.

Я растерянно захлопал глазами. Ну зачем так издеваться над человеком, у которого и так мозги почти на ребро встали?

– В каком смысле?
– Ты погиб, Серега. Погиб под колесом того самого бензовоза. Но нашлись заинтересованные лица, которые в последний миг тебя вытащили и швырнули сюда. И придется тебе за это служить им верой и правдой.

– К-какие еще лица? – пролепетал я. – Вы что такое городите, парни?
– Неприятно, понимаю, – кивнул Пьеро и отвернулся в сторону. – Да ты не очень убивайся-то, мы тут все такие. Вовчик – он сержант Российской Армии, погиб во время учений, когда БМП с моста в реку бултыхнулась. А я – один из пассажиров теплохода «Киров», слышал?

Он достал сигареты, закурил и бросил пустую пачку под ноги. Я впился в нее глазами.

– А «Ява» твоя не подмокла, когда теплоход тонул?! – почти закричал я.

– Что? А-а, ты про это... Сигареты нам тут выдают.

– Идите вы к черту со своими шуточками! – заорал я. – Мне срок светит, я людей в машине погубил, а вы байки травите.

Вовчик и Пьеро переглянулись и одновременно вздохнули.

– Ты кузнечиков видел? – спросил Пьеро с ледяным спокойствием. – А как ялики летают, видел? И чему, скажи на милость, ты после этого удивляешься?

Я замолчал, прикрыв лицо ладонями. В голове страшным вихрем крутились мысли, обрывки фраз и воспоминаний. Мерзкие морды кузнечиков маячили прямо перед глазами. Шаг за шагом в меня входила уверенность – пацаны не врут.

– Мне надо выпить, – сказал я. – Нет, сначала пожрать. Но перед этим обязательно выпить.

– Пожрать – сообразим, – отозвался Вовчик. – А насчет спиртного у нас плоховато. Все запасы выпивки на острове.

– А мы где? – спросил я. – Вы ведь так и не сказали, где мы! Только не надо про тот свет, ладно?

– Ладно, не будем, – равнодушно пожал плечами Пьеро. – Начнем с того, что мы не на Земле. Но и не на Марсе. Контролеры нам говорят, что это вообще не планета, а какая-то субстанция... Ну, черт ее знает. От дома далеко, в общем.

– Контролеры? – переспросил я. – Кто это?

– Контролеры – они и есть Контролеры. Те самые благодетели, что тебя вытащили. Еще познакомишься.

И вдруг я остановил взгляд на автомате, небрежно брошенном на дно ялика. Я увидел, что это вовсе не Калашников, как показалось в первые минуты. Он был очень похож на типичный «АКМ» – вороненая сталь, желто-коричневый приклад и цевье из клееной древесины – но тем не менее это был не «АКМ». Потому что и ствол у него был с непонятным утолщением, и магазин шире, чем положено, и прицел какой-то не такой...

– Интересуешься? – усмехнулся Вовчик, заметив направление моего взгляда. – Хочешь пострелять?

Я помотал головой, мне было не до игрушек.

– Да ладно, попробуй! – и он чуть ли не силой впихнул оружие мне в руки. – Разберешься, куда нажимать?

– А во что стрелять? – рассеянно проговорил я.

– А во что нравится. Вон, хотя бы туда... – Вовчик указал на колесную платформу, так и лежавшую на боку.

– Не жалко? – спросил я на всякий случай, примериваясь к прицелу.

– Ни капли!

Я нажал на спуск. Оружие чуть заметно вздрогнуло, раздался звонкий щелчок – и платформа сорвалась со склона, по ходу разлетаясь на мелкие части. Я осторожно положил автомат обратно на пол ялика.

– А ты не верил, – с укором проговорил Пьеро.

– А я и сейчас не особо-то... Мало ли что изобретали для военных. Первый кремневый пистолет тоже, наверно, был когда-то военной тайной.

– Пьеро, он мне надоел! – подал голос Вовчик. – Помчали на базу, доложим, и пусть его забирают. На острове ему Контролеры все доходчиво объяснят.

– Держись крепче, а то слетишь, – снисходительно посоветовал мне Пьеро. Невидимый двигатель заныл по-комариному, и я ощутил, как наша посудинка поползла вверх.

Не сказать, что полет был мне в радость. Страшно это – мчаться над землей в открытой миске, когда ее раскачивает любой порыв ветра. Но постепенно я привык.

Вовчик обернулся и весело прокричал сквозь шум встречного ветра:

– Порулить хочешь?

– Жить расхотелось? – кратко поинтересовался я.

– Да это не трудно. Вон резиновая груша. Куда нажмешь, туда и полетим.

– Спасибо, – сказал я. – Давай в другой раз, ладно?

Я между тем поглядывал по сторонам. Машинка наша мчалась быстро, и полоса прибрежной каменной степи сходила на нет. Равнина помаленьку зеленела – сначала чахлыми кустиками, что пробивались через камни, потом травкой, а скоро уже показались и деревца, стоящие и группами, и врозь.

– Я вот все думаю, – проговорил Пьеро, – на черта ты Контролерам понадобился? Неужели из-за тебя одного процесс затеяли?

– Какой еще процесс?

– Извлечения. У них какая-то хитрая аппаратура отслеживает все, что происходит на том конце света, а затем выдергивает сюда людей в момент массовых катастроф. Так вот, на хрена они тебя выдернули? Ты что, военачальник крутой?

– Почему военачальник?

– Они стараются ребят покрепче извлекать – спецназ, морская пехота... И не по одному, а целыми самолетами, подводными лодками, бронемашинами. Мы им не для удовольствия, а для опасных дел. А тут – какой-то гнилой «Москвич», и в нем ты. На кой черт?

– Не знаю. Может, просто понравился?

– Сомневаюсь. Ты где работал-то, пока не улетел?

– В охранном агентстве.

– О-о!

– Что «о»? Я не охранник, я электронщик. Лудить, паять, сигнализацию починять.

– И «жучки» ставить, надо полагать?

– Не без этого.

– Постой, а что за пассажиры с тобой были? Может, кто из них?..

– Вряд ли, – помотал головой я. – Старик седой да какая-то школьница с ним. Явно не морская пехота.

И вдруг я чуть не подскочил на месте:

– Штаны! На девчонке штаны были на подтяжках. Такие же, как на том... что на дороге остался.

– Штаны... – задумчиво повторил Пьеро. – Ну, штаны – это не повод. Штаны какие угодно надеть можно. Чем чуднее – тем моднее.

– Не знаю, – махнул я рукой. – Вам видней.

Неожиданно наш ялик, описав крутую дугу, пошел к земле.

– Что там? – встревожился Пьеро.

– Погляди... – ответил Вовчик, показывая пальцем вниз.

Мы зависли над грудой камней, поросших желтой травой. Среди них чернела глубокая яма, скорее даже колодец. И вокруг этого колодца валялось несколько кузнечиков – судя по всему, давно мертвых.

Пьеро спрыгнул с ялика и обошел вокруг колодца.

– Здорово их пощелкало. – Он сокрушенно покачал головой и пнул одного ногой. Тело смялось – легко, как бумажный стаканчик. – Вовчик, поднимись, погляди сверху, наших не видать?

– Нет, не видать, – ответил тот.

– А почему он Пьеро? – шепотом спросил я у Вовчика. – Кличка такая или по паспорту?

– Он к нам попал в costume Пьеро, – также шепотом ответил Вовчик. – Их теплоход потонул, когда на палубе бал-маскарад шел. Говорят, когда его нашли, пять человек от смеха заворот кишок получили. «Пропала Мальвина, невеста моя...»

– М-да, очень смешно, – пробормотал я.

Пьеро запрыгнул в ялик, и мы взмыли ввысь. Полет продолжался еще минут десять, пока на горизонте не появились неразличимые изломанные контуры.

– Город, – сообщил мне Вовчик, указывая вперед. – Там база.

При слове «база» мне представился проволочный забор, вышки с пулеметчиками, тяжелая техника, укрытая в приземистых ангарах. Но здесь все было не так.

Город напоминал кладбище старых кораблей. Он поднимался нам навстречу лесом черных мачт, решеток, башенок, мостиков и переходов. Город был сделан из металла – я понял это, как только мы вошли в его пределы.

– Тут надо осторожно, – пробормотал Пьеро, объезжая приземистую коническую башенку с узкими щелями-окнами. – Какие-нибудь уроды вылетят из-за угла – и до свидания...

– Какие уроды? – спросил я.

– Вон, погляди вперед. Видишь? Только вчера налетели...

Я увидел сложную решетчатую конструкцию, в которой застрял искореженный ялик. На погнутых балках болтались какие-то лохмотья, а у основания конструкции земля была заметно темнее, чем вокруг. Воображение живо подсказало мне, как летающая посуда вломилась в сплетение железных балок, не щадя ни себя, ни пассажиров.

Между тем мы продвигались в глубь города, прижавшись к самой земле. Я отчаянно вертел головой, пытаясь увидеть все сразу. Масса ржавого и почерневшего металла, окружавшего нас, угнетала. С каждой минутой мне все больше казалось, что вокруг не дома, а машины, застывшие очень давно, не закончившие какой-то грандиозной работы.

Все эти ступенчатые надстройки, вышки, балки, блоки и трапы должны были иметь какой-то смысл – не для красоты же на них потратили столько металла?

Хотя все было ржавым и запущенным, я убедился, что в городе все-таки кто-то обитал. Об этом говорили тряпки, сохнувшие на решетках, кучки свежего мусора, то и дело попадающиеся на пути. Кое-где в заросших зеленью дворах стояли ялики, откуда-то пахло дымом...

– Добро пожаловать в город обезьян! – ухмыльнулся Пьеро, заметив мой беспокойный интерес к окружающему миру.

– Обезьяны – это кто? – поинтересовался я.

– Обезьяны – коренные жители. Сейчас, может, увидишь...

И в самом деле, очень скоро из-за угла нам навстречу выбежали двое людей в тех самых несуразных штанах. Заметив нас, они резко развернулись и побежали обратно, прячась среди зарослей.

– Ша, хвостатые! – крикнул Вовчик и пронзительно засвистел им вслед.

– А почему хвостатые? – тихо спросил я.

– А кто их знает? – развел руками Пьеро. – Такие они уродились.

Мы остановились на небольшой площади, уложенной тяжелыми железными плитами со съеденной ржавчиной поверхностью. В центре громоздилось покосившееся квадратное сооружение без окон и дверей, а по краям стояли обычные по здешним меркам дома-корабли, облепленные лесенками, площадочками и мачтами.

– Мы с тобой здесь выходим, – сообщил Вовчик, ловко спрыгивая с ялика.

– Увидимся, – сказал Пьеро и, помахав рукой, погнал ялик дальше.

Мы с Вовчиком остались в тишине посреди самой огромной свалки чермета, какую я только видел в жизни.

– Вы здесь живете? – с содроганием спросил я, пока мы шли к одному из домов.

– А что, не нравится?

– Видал места и получше.

– Здесь ты получше ничего не увидишь. Если только остров...

Где-то далеко за домами вдруг раздался пронзительный крик, который резко оборвался.

– Наверно, кого-то замочили, – заметил Вовчик, озабоченно качнув головой.

– Кого, например?

– Ну, я их по именам-то не знаю. Кого-то из обезьяньего отродья.

– А это хорошо или плохо?

– Это их проблемы. Они вообще мрут как мухи. Когда долбят друг друга, а когда и сами по себе. Вчера один нашел какую-то железку, носился с ней весь день, а к вечеру ласты склеил. Всю ночь лежал и светился, как привидение, представляешь?

Мы влезли на первый этаж дома через небольшой овальный люк и оказались в полумраке. Я пробирался среди каких-то труб и загоронок, стараясь не потерять из виду спину Вовчика. Наконец он вывел меня на второй этаж, где было и светлее, и теплее.

Мы оказались в квадратном помещении, где из мебели находились только несколько ящиков и куча тряпья в углу, заменявшая кровать. Узкие длинные окна пропускали свет, но останавливали сквозняк, хотя стекол в них не было.

– Ты вроде пожарать просил, – вспомнил Вовчик и полез в один из ящиков. – Вот, бери, контора снабжает. Вечерком, может, сообразим чего повкуснее.

Он вытащил на свет банку тушенки, хлеб и термос. Я смотрел на эту тушенку, глотал слюны и думал, что сейчас готов продать за нее и душу, и родину.

Пока я расправлялся с едой, Вовчик сидел напротив и разглядывал меня, покусывая спичку.

– М-да, Серега... – вздохнул он. – Не ожидал ты, что здесь окажешься, верно? Хорошо, не психуешь, не бьешься о стены. Не все так крепко держатся.

– Я за свою жизнь куда только не попадал, – ответил я, откусывая хлеб. – Уж такие, казалось бы, неожиданные штуки случались... Один раз переналаживал сигнализацию в одной конторе. Включал, выключал, пробовал... А она сработала. Через пять минут вломились гонорейщики и...

– Кто-кто?

– ГНР – группа немедленного реагирования. И как ты думаешь, где я оказался?

– В ментовке.

– А вот и не угадал. В больнице. Когда я дернулся в карман за удостоверением, они расценили это как попытку нападения и... Потом, правда, мне агентство возместило деньгами. Я даже доволен остался.

– Может, ты и здесь доволен будешь. Вообще многим нравится. Только ты одно должен понять – обратного пути нет. Все, что ты тут видишь, – это навсегда.

– А тебе здесь нравится?

– Нравится – не нравится, какая теперь разница? – в голосе у Вовчика просквозила нервозность. – Ты ешь давай...

Я оставил опустевшую банку и умиротворенно вздохнул. После еды стало хорошо. Я даже не особо нервничал из-за своих приключений.

– Рассказывай дальше, – потребовал я. – Как вы тут живете, чем занимаетесь?

– Чего тебе рассказывать, – Вовчик встал и прошелся по комнате, о чем-то раздумывая. – Тебе Контролер-проводник все расскажет. Знаешь что, посиди-ка тут часик-другой один, ладно? Мне отойти надо в одно место...

– Если надо – иди.

– Да, схожу кое-куда. А ты поспи или книжку почитай, – он подвинул мне замусоленного «Всадника без головы».

– Лучше посплю. – Меня и в самом деле после еды в сон потянуло.

– Только не выходи никуда.

– А ко мне никто не войдет?

– Еще чего! Эти обезьяны меня за километр обходят. Если боишься, могу автомат оставить.

– Не надо. Тебе, наверно, он нужней.

Вовчик прыгнул в люк, и стало тихо. Я некоторое время постоял у окна, разглядывая город. И снова мне стало не по себе. Все здесь было какое-то чужое, неправильное и неживое.

Пару раз я видел, как люди в огромных штанах крадутся вдоль стенок. А потом через площадь медленно проплыл ялик, где было несколько пассажиров. Они, собравшись в кружок, ели.

Я устроился на лежанке и закрыл глаза. В ту же секунду меня, беззащитного, окружили всякие дурацкие черные мысли. Но я очень ловко ускользнул от них в мир снов. Мысли покружили надо мной и разлетелись в разные стороны до лучших времен.

* * *

Я проснулся от звонкого щелчка, после которого помещение залил яркий свет. Я вскочил, бестолково хлопая глазами, потом выглянул в окно.

В городе уже стояла ночь, но отовсюду лился свет – из окон домов, с верхушек мачт и башен, от толстых столбов, стоящих почти у каждого дома.

Внизу кто-то шаркнул ногой – это был человек, быстро идущий по краю площади. Он поднял голову и тоже увидел меня, после чего в панике убежал куда-то.

– Любуешься? – раздался за спиной голос Пьеро.

Они с Вовчиком выбирались из люка, таща с собой большой бумажный мешок.

– Я спал, – сказал я.

– Дело хорошее. – Они начали деловито выкладывать из мешка дымящуюся картошку в кастрюле, хлеб, консервы и свежие огурцы.

– Во, гляди чего достал! – Вовчик потряс перед собой большой бутылкой из темного стекла. – Чистый спирт. Взял под честное слово, сказал, что для оперативной необходимости – обезьян подпаивать.

– И тебе до сих пор верят? – хмыкнул Пьеро.

– Я же даю результат.

– А как хвостатых будешь подпаивать, если сейчас все выпьешь?

– Еще чего – спирт на них переводить! С хвостатым я уже поговорил: подвесил на балке за ногу и автомат к черепушке приставил. Он мне и без допинга все выложил.

Стол нам заменил широкий деревянный ящик. Пьеро расставил железные кружки, осторожно вскрыл бутылку, потом поставил еще одну – с водой.

– Будешь? – спросил он меня.

– А то!

Однако моя самонадеянность обернулась разочарованием. Едва только запах спирта коснулся моих ноздрей, я понял, что не выпью ни капли. Не могу, и все! Хочу, но не могу. Запах напомнил и тот вечер, и тот бар, и обрыв, и бензовоз... И тут мне стало так гадко, что захотелось выплеснуть этот спирт куда подальше...

Но такого расточительства я, конечно, себе не позволил. Просто отставил кружку и решил к ней не прикасаться.

Ребята не настаивали. Они пили и закусывали, обсуждая между тем свои дела.

– Что ты вытряхнул из обезьяны? – спросил Пьеро у Вовчика.

– Твои соседи свой ялик жратвой загрузили. Завтра отправляются в путь-дорожку.

– Далеко?

– Это надо у них спросить. С утра вылетаем за ними.

– А не проспим?

– Леха за ними следит. Как только они закопошатся, он к нам заскочит на ялике. Так что сегодня ночуешь здесь.

– А с ним что делать? – Пьеро кивнул на меня. Я вздрогнул и оторвался от еды.

– С собой заберем, – пожал плечами Вовчик. – По пути заедем к Жоре на базу и там оставим. Ребята сообщат на остров, пусть Контролеры сами его заберут.

- Куда меня заберут? – заволновался я. – Зачем?
- На остров, – сказал Пьеро и почему-то вздохнул. – На острове хорошо, тебе там понравится, уезжать не захочешь.
- Но придется, – тоже вздохнул Вовчик. – Если получится – просись к нам. У нас лафа. Катаешься себе на ялике, гоняешь обезьян, и никаких хлопот.
- Зачем? – спросил я. – Зачем вы их гоняете?
- Служба, – пожал плечами Вовчик. – Они без строгого надзора слишком борзеют. С ними пожестче надо.
- Как с тем, что на холме?
- На каком холме? Ах, этот... Ну, там был особый случай. Он вооруженное сопротивление оказал. Если б вел себя смиренно – глядишь, и ушел бы подобру-поздорову.
- А чего вы вообще к нему привязались? Тоже служба?
- Он оружейник, – сказал Вовчик с таким видом, будто это все объясняло. Кому-то, может, и объясняло, но не мне.
- Серж, все эти заморочки тебе должны рассказывать не мы, а Контролеры, – сказал Пьеро, заметив, какая напряженная умственная работа сейчас во мне происходит. – Мы можем перепутать или лишнего чего наболтать.
- А вы лишнего не болтайте, – предложил я. – Вы дело говорите. И для начала объясните, почему вы их называете то обезьянами, то хрипатыми, то хвостатыми.
- А потому, – сказал Вовчик, – что они хрипатые хвостатые обезьяны. У них из задниц растут маленькие хвостики – завтра покажу, если дохлого найдем. И говорят они «хр-хр» – еще услышишь. А то, что они обезьяны, ты и сам видел, объяснений не надо.
- Допустим, все так и есть, – согласился я. – Но за каким лешим вы хозяйничаете в их городе? Они его построили, а вы...
- Кто?! Они?! – почти закричал Вовчик. – Да они даже сортир фанерный не построят! Тут все за миллион лет до них уже было.
- Если быть точным, то это и не город вовсе, – добавил Пьеро. – Это, как я понимаю, какой-то передвижной завод. Он то на месте стоит, то вдруг начинает куда-то ползти со всеми своими домами и площадями. Но такое редко бывает.
- Последний раз еще до нас было, – кивнул Вовчик. – Ребята рассказывали: ни с того ни с сего вдруг земля зашевелилась, и все поехало. Обезьяны орут, мечутся, прыгают... Говорят, их тут тысячами подавило.
- Но тут и наших два десятка пацанов полегло, – заметил Пьеро.
- Я одарил долгим взглядом свою нетронутую кружку, сожалея, что не могу ею воспользоваться. Смазать мозги сейчас не помешало бы. Но спорить с организмом я не посмел.
- Так вот, что касается обезьян, – продолжал Пьеро. – Их Контролеры высаживают на эту планету в ужасном количестве...
- Вы ж говорили, что это не планета, – напомнил я.
- Ну да, говорили, – кивнул Пьеро. – Но будем пока считать, что как бы планета. Так вот, Контролеры их сюда пихают штабелями. Зачем – не спрашивай, не знаю. Наше дело за ними присматривать и отбирать оружие.
- А оружие они собирают по старым складам, – подключился Вовчик. – Им же заняться тут нечем, вот они и лазят где попало. Находят подземные хранилища, которые еще от старых хозяев остались...
- Тут еще и старые хозяева есть? – не удержался я.
- Были, – уточнил Пьеро. – Нет, давай уж с самого начала, а то у тебя чердак съедет. Да, были тут хозяева, тут кто-то жил. Они оставили после себя и этот город, и завод, где мы тебя подобрали, и хранилища с машинами и оборудованием. Оружие на этих складах тоже попадает.

– Потом появились Контролеры и начали все это прибирать к своим рукам, – добавил Вовчик. – Может, это они хозяев и замочили...

– Ну, это вряд ли, – качнул головой Пьеро. – Слушай дальше. Контролеры борются за эту территорию с Зонтиками.

– С кем? – переспросил я, все настойчивее поглядывая на свою кружку.

– Это такие летающие чудища – одно круглое крыло, а под ним – хвост. Со стороны как зонтик. Может, еще увидишь.

– Стоп, стоп, стоп! – воскликнул я. – Мне надо собраться с мыслями.

И я начал перечислять, загибая пальцы:

– Контролеры, мы, Зонтики, хвостатые, старые хозяева... А кузнечики?

– А кузнечики тут на тех же правах, что и мы, – проговорил Пьеро. – Контролеры их используют как солдат. Как это ни противно, но они наши союзники.

– Союзники... – повторил я. – Союзники против кого?

– Ну, против Зонтиков, конечно!

– А против хвостатых? – Я часто-часто заморгал.

– Тьфу!.. – произнес Вовчик и отвернулся от меня, бестолкового.

– Мне надо выпить, – сказал я и неуверенно взял кружку. Поднес к губам, понюхал – и героическим усилием влил в себя все ее содержимое. Меня скрутило, как наволочку в стиральной машине.

– Ну и гадость... – выдавил я, хватая ртом воздух.

– Ни разу не пробовал, что ли? – пробурчал Вовчик.

– Так, ребята, – решительно проговорил я, когда прокашлялся, – дайте мне карандаш и бумагу. Вы будете говорить, а я записывать в форме плана-схемы. Иначе ни фига не пойму...

– Говорил же я, пусть Контролеры объясняют, – протяжно вздохнул Пьеро. – Связались мы с тобой...

– Попробуйте еще раз, – сердечно попросил я. – Разложите по полочкам, кто тут с кем воюет. Чтoб я хоть знал, от кого, случись что, отстреливаться.

– Ладно, пробую в последний раз, – неохотно согласился Пьеро. – Запоминай. Контролеры воюют с Зонтиками. Но не сами. Для трудных и опасных дел они используют нас и кузнечиков. На отбитые территории они выпускают обезьян. Мы за обезьянами присматриваем. Вот и все! Надеюсь, понял?

– Контролеры воюют с Зонтиками, мы помогаем Контролерам, а обезьяны – это вроде как мирные жители, – сосредоточенно произнес я и радостно улыбнулся. – Кажется, понял!

– Какой сообразительный мальчик, – проговорил Пьеро и сдержанно похлопал в ладоши. – Можно объяснять дальше или повторить еще пару раз для памяти?

– Рассказывайте, – воодушевленно потребовал я.

– Мы в боевых операциях не участвуем, у нас служба скорее полицейская. Как я говорил, обезьянам тут заняться нечем, и они лезут по старым складам...

– Это я говорил! – возмутился Вовчик.

– Тем более. Они даром что тупорылые, быстренько разобрались, как на яликах гонять, как оружием пользоваться. Кто первым разобрался, тот начал было свои порядки устанавливать. Мы это дело пресекаем – быстро и эффективно.

– А порядки у них такие, – добавил Вовчик. – У кого пушка больше, тот и главный. Отбирают у других жратву, женщин...

– Тут и женщины есть? – удивился я.

– Женщины у них есть, это да, – задумчиво кивнул Пьеро. – Певучие, как тепловозные гудки, грациозные, как мешки с дерьмом, и такие же ароматные. Если хочешь встретить среди них свою судьбу, могу познакомить. Только сюда не приводи, а то потом проветривать, блох выметать...

– Ладно, не буду, – пообещал я. – Что там насчет оружия?

– Тот хрипатый, которого мы размазали по камням, был как раз оружейником. Мы его давно пасли. В этот раз он загрузился только «опятами», но мы все равно решили его проверить...

– Опятами?

– «Опята» – это такие белые человечки, похожие на дрессированных червяков. Ну, ты же видел на дороге! Они от старых хозяев остались. Хрипатые их, между прочим, едят, не за столом будь сказано... Так вот, мы решили его проверить, а он не хотел. Ну и пришлось его немножко...

– Туда ему и дорога, – глухо проговорил Вовчик. – Штаны мне прожег из огнемета, скотина.

– А завтра, – продолжал Пьеро, – мы отправляемся гасить других оружейников и взрывать склад, который они откопали. Будет много интересного, но ты ничего не увидишь, потому что тебя мы ссадим по дороге.

– Напрашиваться не буду, – искренне ответил я.

– Да, не стоит. Еще насмотришься.

– Давайте спать, – сказал Вовчик. – Завтра вставать рано.

– Еще по одной. – Пьер взялся за бутылку. – Ты будешь?

– Буду, – проговорил я после короткого, но тяжелого раздумья. – Наливай на сон грядущий. И ответь мне, пожалуйста, напоследок, на кой черт оно вам надо – все эти погони, засады?

– У нас выбора нет, – ответил Пьеро. – Контролеры нас спасли, они нас кормят и поят, а мы им служим. Не скажу, что мне очень здесь нравится, но иногда бывает весело. Особенно когда на остров попадешь.

– А если им не служить?

– Нет проблем. Иди, свободен. Живи один в пустыне или присоединяйся к обезьянам – что хочешь!

– Нет, – пробормотал я. – В пустыню я не хочу. И с обезьянами мне неинтересно. Я лучше с вами пока...

– Вот и я так думаю, – усмехнулся Пьеро. – Возьми вон в том ящике матрас и укладывайся.

«Матрасом» оказался комок ветхих тряпок неопределенного цвета. Я улегся, но уснуть не мог. Из прозрачных труб под потолком бил свет. Я закрывал глаза, и передо мной начинали бродить толпы кузнечиков, Зонтиков, Контролеров... Последних я представлял себе как людей-великанов, которые наблюдали за нами, маленькими, глупыми и слабыми, и строго грозили пальцами.

– Что, свет мешает? – сонно проговорил Вовчик, услышав, как я ворочаюсь. – Потерпи, он скоро сам выключится. Здесь все автоматическое, даже полы греются, когда холодно.

Он помолчал немного, потом снова заговорил:

– Завтра, Серж, разбегаемся. Может, еще и встретимся когда-нибудь, а может, нет...

И через секунду он захрапел.

* * *

Ночь пролетела как один миг. Наутро я на всякий случай напряг память и напомнил себе основные тезисы вчерашнего разговора. А именно: Зонтиков надо бояться, Контролеров надо слушаться, а что касается кузнечиков и хвостатых, то они сами должны меня бояться и слушаться.

Пьеро и Володя слонялись по комнате, держась за головы и проклиная дрянной технической спирт, который им вчера подсунули. За окном были утренние сумерки, серые и неприветливые.

– Завтрак будет? – поинтересовался я.

– Вон, – Пьеро кивнул на ящик, где под белой тряпкой угадывалась тарелка и что-то еще. – Хоть все жри. Я смотреть ни на что не могу...

Я съел кусок ветчины с подсохшим хлебом и запил это чаем из термоса. Не бог весть что, но завтрак состоялся.

– Что дальше?

– Сиди жди, – последовал ответ. – Если скучно, можешь зарядку сделать.

Ждать долго не пришлось. Выглянув в очередной раз в окно, Вовчик проговорил:

– Вон он, долгожданный. Еле тащится.

Через пару минут в люке показалась голова незнакомого парня. У него были всклокоченные черные волосы, во рту на месте переднего зуба зияла дыра.

– Леха, ну где ты пропадаешь? – вздохнул Пьеро. – Думали, уже не приедешь...

Леха развел руками и растерянно сказал:

– Парни, тачка не тянет!

– Что такое? Что значит не тянет?

– На два пальца от земли подымается и еле пылит. Чертова галоша!

– Другую не мог найти, что ли?.. – вздохнул Вовчик, выбираясь через люк.

Мы спустились и вышли на площадь. Здесь стоял ялик, на носу которого громоздился большой квадратный прибор со стеклянной крышечкой наверху. Было прохладно и сыро, я обхватил себя руками.

– Ну и что? – спросил Вовчик.

– А вот... – Леха запрыгнул в ялик и подергал грушу. Машина неохотно пошевелилась, криво приподнялась над железной мостовой и опять бессильно опустилась.

– Тьфу... – Вовчик отвернулся, сунув руки в карман.

– Ты не плюйся, а думай, – сказал ему Пьеро.

– Ладно, – сказал Вовчик. – Ждите.

Он повесил на шею автомат и куда-то ушел. Мы ходили вокруг ялика, преувеличенно внимательно его разглядывая, словно это могло чем-то помочь.

– А топливо? – произнес я.

– Что? – Пьеро поднял на меня свои красные злые глаза.

– Топливо могло кончиться. Или батареи – что там у него...

– Ты автомеханик, что ли?

– Нет, я электронщик.

– А-а... Ну, можешь попробовать поменять батарейки. Если найдешь, где они.

– И найду. – Меня разобрало любопытство. Каждое устройство должно иметь минимум два узла – подвода энергии и ее преобразования. Я взял у Пьеро нож и начал ковыряться в лючках и крышечках, которых на ялике имелось достаточно. Леха наблюдал за мной со смесью тревоги и ожидания.

– Наверно, здесь, – пробормотал я, обнаружив прямоугольную крышку на корме. Под ней было нечто, напоминающее паровозную топку: черная, заросшая шлаком камера, в центре которой держался шершавый брусок, похожий на обугленное полено.

– Может, и так, – пробормотал Пьеро и подозвал Леху. – Погляди, похоже, что здесь и вправду топливо было.

– М-да, – признал Леха, почесав свою всклокоченную шевелюру. – Слушай, а ведь такие бруски в каждом новом ялике есть. Штуки по три-четыре. Мы их всегда выбрасываем.

– Знаю. Только где их теперь искать?

– Я извиняюсь, конечно, – произнес я. – А что, вы раньше не могли догадаться, что топливо нужно иногда добавлять?

– Мы не ищем себе сложностей, – ответил Пьеро. – Мы просто меняем ялик.

В этот момент на другом конце площади раздались испуганные крики, и между домов показалась группа хвостатых. Продолжая кричать, они пересекли площадь и скрылись под ржавой покосившейся фермой. Вслед за ними выехал на ялике Вовчик. Одной рукой он управлял машиной, в другой держал автомат стволом вверх.

– Все в порядке! – крикнул он. – Есть машина!

Последующие несколько минут ребята перетаскивали на новый ялик квадратный прибор, ругаясь и торопя друг друга. Прибор они почему-то называли компасом. Я стоял рядом и ковырял ботинком ржавые плиты мостовой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.